

Асмик Папян:

БЫВАЮ СЧАСТЛИВА, КОГДА ЧУВСТВУЮ ОТКЛИК ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА

23 апреля на сцене БЗК в рамках II Международного фестиваля «Опера Априори» в Реквиеме Вячеслава Артемова выступит одна из самых известных сегодня в мире певиц армянского происхождения Асмик Папян. Главное украшение репертуара певицы – партия Нормы, которую она исполняла во всех крупнейших театрах Европы и США. Ее обширный и разнообразный репертуар простирается от трех королей в операх Доницетти (Анна Болейн, Мария Стюарт и Елизавета в «Роберто Девере») и двенадцати партий из опер Верди до Джоконды Понкьелли и Франчески да Римини Дзандонаи, а также Саломеи, Сенты и Изольды

Татьяна ЕЛАГИНА

– Уважаемая Асмик, помню ваше выступление на Конкурсе имени Чайковского в 1990 году, вскоре после того посчастливилось смонтировать несколько ваших записей армянских народных песен в аппаратной ГДРЗ. В начале 2000-х столичные любители оперы ждали вашего приезда с ереванской «Нормой», который, к сожалению, не состоялся. Поискав в Интернете, увидела, что в Москве после долгого перерыва вы выступали осенью 2013-го на открытии нового Армянского храма на Поклонной горе.

– После конкурса у меня был сольный концерт в Колонном зале Дома союзов, затем – еще один, с оркестром Московской филармонии под управлением Дмитрия Китаенко. Дважды в начале 90-х пела Виолетту в Большом театре. Приятно вспомнить, какой была художкой в то время, костюмы все велики, из музея взяли платья Галины Вишневской – вот они прилисли впору. Это так вдохновляло!

– И вот теперь – Реквием Вячеслава Артемова, исполнение которого посвящается 100-летию геноцида армян. Буквально накануне нашего разговора прослушала запись этого произведения. Музыка очень глубокая, захватывающая целиком, полная боли и света одновременно. Еще больше прониклась уважением ко всем певцам, собирающимся исполнить это. Но выбор для такой значимой даты не Реквиема Верди или Мессы Россини, наконец, не «Патарага» Комитаса не вызвал ли у вас удивления?

– Наоборот, я даже рада разнообразию. Верди было слишком много в 2013 году, а Комитас и так постоянно звучит в Армении и за ее пределами.

24 апреля – святая и трагическая для каждого армянина дата. Поэтому согласилась участвовать, не раздумывая! У меня к этой дате особое отношение. Мои предки родом из Западной Армении, семья дедушки погибла вся в 1915-м, он остался 9-летним сиротой и воспитывался в детском доме в Греции. В 1927 году он приехал в Советскую Армению. Прошел всю Великую Отечественную войну, и позже, имея родственников в разных странах, отказывался уезжать, счастлив был только в Армении. Об ужасах его ранних лет в семье не говорили, но мы с братьями каким-то образом знали всё с детства.

– Здесь для читателей напомним о неслучайном совпадении. Реквием имеет подзаголовок: «Мученикам многострадальной России». Можно было бы философски вспомнить, что формальным поводом для турецких властей к началу страшной резни в апреле 1915-го стала помощь армян русской армии во время Первой мировой войны. Но произведение по стечению обстоятельств оказалось связано с еще одной страшной трагедией в истории Армении – землетрясением 1988 года в Спитаке: премьерное исполнение Реквиема передавали по Всесоюзному радио...

– Сейчас, по прошествии века, кроме памяти о погибших миллионах армян, хотелось бы лишний раз показать миру, что, несмотря на всё, мы выжили, мы есть, и будем не только вечно скорбеть, но петь и музицировать тоже. У меня практически весь 2015 год заполнен концертами, посвященными этой

дате. И даже не всегда я собираюсь выходить на сцену в трауре. Сама «круглость» даты как раз для меня не так важна: и пять лет назад, и еще через семь, десять лет она всегда в нашей крови и в генетической памяти. А Реквием Артемова – еще один акт поклонения жертвам.

– Давайте теперь поговорим о вас. Особая интеллигентность в исполнении Асмик Папян легко объяснима, если вспомнить, что с детства вы занимались на скрипке, и только окончив Ереванскую консерваторию как скрипачка, решили стать певицей. Есть знатоки, что различают вокалистов по их прошлой специализации, уверяя, что структурированность пианиста или звуковедение струнника потом слышны в сопрано или теноре всю жизнь.

– Я тоже сразу отличала тех певцов, кто занимался музыкой с детства. Как ни покажется странным, но даже внешне это заметно по тому, как человек себя ведет на сцене, каков его уровень исполнения. Мое ощущение, что певцы – бывшие инструменталисты, не выставляют себя «в рамке», они просто служат музыке. Больше задумываются над тем, что поют, не гонятся за успехом, а думают о качестве исполнения.

– Прочла в прежних интервью удивительную вещь, что даже в детстве никто не заставлял вас заниматься на скрипке, сами попросились у родителей и всегда работали не по-детски терпеливо.

– Да-да! Семья была музыкальная от природы, дедушка освоил скрипку самоучкой, пели на всех праздниках старинные армянские песни, которые позже нигде не слышала. Нас, детей, поощряли выступать для родни. Но ни одного профессионального музыканта в семье не было.

– В годы учения вам нравился больше сам процесс занятий или «праздники» – выходы на сцену в концертах, зачетах?

– И тогда и сейчас я больше люблю репетировать. Мне это безумно важно. Чем дольше, тем лучше. Долгий процесс подготовки дает спокойствие на сцене. Работать с концертмейстером, дирижером, учиться чему-то новому. Благодарна всем, включая режиссеров, кто меня чему-то научил.

– Вы легко поняли разницу в «инструментах» – то, что скрипачу дается порой часами заучивания трудных мест, невозможно для вокалиста, голос не терпит перегрузок?

– Конечно! Больше часа петь нельзя, особенно начинающему вокалисту. Но мне сразу легко давалась чистка с листа, после 18 лет занятий на скрипке я могла спеть по нотам что угодно. Привычка слышать воспроизводимый тон легко перешла и на голос, я запела как-то натурально. Может быть, оттого и заразилась вокалом так быстро. И, конечно, захватило, что вместо сидения за третьим-четвертым пультом в оркестре я могу сегодня быть Виолеттой, завтра Розинкой, и так далее.

– Как я поняла, вам повезло с педагогом. Прослушавшая вас случайно Татевик Сазандарян стала единственной наставницей, давшей базу для долгой карьеры.

– Да. В консерватории я часто пела в компании друзей просто так, в основном старинные русские романсы. Наверное, это была дань юношеской ро-

мантике, первым влюбленностям. Всем нравилось, даже слезы текли у подруг. И ребята стали уговаривать: «Покажись педагогам на вокальной кафедре, несправедливо, что такой красивый голос слышим только мы двое-трое, изредка пять человек!». И вот я, как бы шутя, проходя мимо вокального класса, постучалась в дверь и попросила: «Проверьте, пожалуйста, есть ли у меня голос?» Татевик Сазандарян была из тех редких людей, что видят насковзь. Она послушала буквально несколько нот и сказала: «Ты должна начинать учиться вокалу сейчас же!». Если бы Татевик назначила прийти завтра или послезавтра, я бы не стала и пытаться. Тогда как раз заканчивала последний курс как скрипачка, в классе у Рубена Агароняна, который позже переехал в Москву. Получив диплом скрипачки, поступила сразу на второй курс вокального отделения. Все теоретические предметы у меня были сданы. Это большое счастье, что меня вела Татевик Сазандарян. Она не мешала развиваться, на реплики некоторых коллег, что у Папян маленький голосочек, только для камерного жанра, говорила: «Не верь, у тебя будет большой оперный голос». Татевик была сложным человеком, ее не все переносили, потому что всегда говорила правду в лицо. Но у нас с ней возникла взаимная любовь и полное понимание. Ее уроки помню всю жизнь, каждый день распеваюсь ее вокализмом и постоянно желаю Царствия небесного.

– Послушав ваши недавние записи, порадовалась, что в голосе до сих пор сохранился свежий «девичий» тембр, который у других сопрано уходит очень рано. Это как раз от хорошей школы? Или это – самоконтроль?

– Состояние голоса – результат не только вокальной школы, но и шире – образа жизни. Желание сохранить себя уже на подсознательном уровне. Избегаю шумных компаний, особенно курящих. Хотя не стану капризничать: «Ой, закройте скорее окно!». При нашей кочевой жизни, постоянных перелетах и сменах климата, нельзя быть неженкой, надо иметь не только здоровье, но и крепкую психику.

– А мороженое позволяете себе иногда?

– Всегда! Я не ем орехи и винограду перед пением, не пью вина. Не надеюсь до спектакля, а сразу после выступления нет аппетита от эмоций.

– Вы и сейчас стройная дама. Само собой получается или поддерживаете форму диетами, как многие другие певицы?

– Если жестко отказываться от еды – петь невозможно, да еще и будешь казаться несчастной от голода. Главное, контролировать аппетит, придерживаться меры в пище. По маминей линии я предрасположена к полноте, потому часто отказываюсь от сладостей, делаю легкую гимнастику и стараюсь как можно больше ходить пешком в любую погоду. Особенно люблю ходить в горы. А вот лежать на пляже на ярком солнце – не мое, к морю и воде отношение спокойное.

– Приходилось ли вам участвовать в слишком радикальных постановках? И как относитесь к осовремениванию оперной классики в принципе?

– Когда режиссеру есть что сказать, всё продумано концептуально, то мне работать безумно ин-

▲ Лиза в «Пиковой даме» / Театр Реаль, Мадрид

▼ Норма / Опера Монако

тересно! Но если около восьми недель ты просто проводишь время на репетициях (а я всегда все указания и мизансцены записываю), и после трудного дня назавтра режиссер заявляет: «Ой, я уже всё поменял!» – чувствуешь себя глупо. Значит, много часов потрачено впустую.

Неприятно вспоминать «Аиду» в Лейпциге. Моя героиня, Аида, весь спектакль была в цепях и как собака ползала на коленях за Амнерис. Это было трудно физически и неоправданно с точки зрения либретто. Костюмы, как нарочно, уродовали всех исполнителей, хотя на них были потрачены немалые деньги. Публика свистела каждый раз! С трудом выдержала серию из семи представлений, спасала только музыка Верди.

А вот иной пример – «Пиковая дама» Льва Додина. Тоже очень неоднозначная интерпретация, где даже слегка поменяли текст в арии Лизы у Канавки. Но общий замысел волновал и трогал и нас, и публику.

С Петером Конвичным мы делали «Набукко» в Дрездене. Абилайл выходила там в коротком современном плаще с цветком палмы вместо оружия. Поначалу меня это даже смешило, а потом я завелась, и вдруг в «Набукко» мы открыли целый пласт тонкого юмора, вроде отбрасывания портфеля правителя-Набукко ногой. Я с таким удовольствием все эти находки исполняла, что Конвичный на премьере сказал, что я его осчастливила.

Я пела Норму во Франции в костюме Баттерфляй, в какой-то чалме, и вместо детей были китайские статуэтки – это было ужасно. А вот Амстердамская постановка «Нормы», тоже современная, как бы по биографии Марии Каллас, памятна в хорошем смысле. Выход с «Casta Diva» – из гримерки к журналистам и фотографам, а финал – вместо ритуального костра уход в зал через публику. То есть жизнь великой певицы закончилась тогда, когда она потеряла голос.

Прошлой весной в Зальцбурге произвела фурор «Норма» с Чечилией Бартоли в главной роли, где все в кургузых серых юбках и жакетах 30-х годов прошлого века, друиды во главе со жрицей – борцы итальянского Сопротивления, римляне, соответственно – оккупанты, в финале всех поджигают партизаны. В таком варианте согласились бы выступить?

– Могла бы и поучаствовать, но без особого энтузиазма. Понимаете, в нашей «Норме» про Каллас все костюмы были а ля Одри Хепберн – изысканно элегантные, что тоже важно для меня. Люди ведь приходят в театр за красотой, и ее отсутствие на сцене многих оскорбляет. Я теперь совсем редко посещаю драматический театр. Бесконечная нагота, разливание подливок и красок, лица в торте – всё банально, скучно и неинтересно!

– У вас очень обаятельный муж, оперный драматург Конрад Кун, выучивший в совершенстве армянский язык из любви к Женщине, что восхищает. Дочери скоро 14 лет, интересуется ли она оперой, пением?

– Сирануш чаще бывала в театре маленькой. До 6 лет, пока не ходила в школу, постоянно ездила на все гастроли со мной и бабушкой, моей мамой. Переслушала почти весь мой репертуар, вникала во

всё: «А про что ты поешь? А что ответил Радамес?». Но когда пошла в школу, появились свои увлечения, новые друзья, интерес к опере как-то пропал.

Я бы не хотела, чтобы она стала оперной певицей. Она увлекается роком, поет в хоре, играет на фортепиано. Есть или нет настоящий голос, пока непонятно. У нее очень хорошо идут физика и математика, это обнадеживает. Мы ее не принуждаем, она свободна во всех своих желаниях. Захочет и сможет спеть – поможем. Но теперь это особенно трудно, часто у молодых певцов после 2-3-х лет взлета наступает перегрузка и закономерный конец карьеры.

Конечно, я абсолютно ни о чем не жалею, так сложилась судьба. В следующем году, возможно, буду отмечать 30-летие своей оперной карьеры. Это счастливейшие годы! Я прожила на сцене десятилетия, если не сотни судеб своих героинь, много ездила и встречалась с разными людьми, и всё это было по моему желанию. Но если судить с обывательских точек зрения, личная жизнь, можно сказать, проходила мимо. Сейчас порой мучают угрызения совести, что мало читала дочке сказки в детстве, не всегда была ней, или не было сил на общение после спектакля.

– А колыбельные пели иногда?

– Один раз, помню, спела ей «Орор» Каначяна. Очень красивое, но грустное произведение. Девочке было годика полтора, она заплакала почти сразу и просила больше никогда не петь это.

Похожая ситуация возникла чуть позже. Я репетировала «Сестру Анджелику» Пуччини. Дочь, уже трехлетняя, не знала сюжета и не понимала итальянский,

но когда вошла в зал, где я пела арию Senza mamma, зарыдала в голос, так громко, что оркестр остановился, и дирижер велел мне пойти и разобраться с ребенком. «Мама, умоляю, не пой больше эту музыку», – попросила дочка. И тут же заболела. И, несмотря на всю мою любовь к «Сестре Анджелике», больше предложений петь эту оперу не поступало. Сирануш – очень чувствительный ребенок.

– Асимк, в нескольких ваших интервью прочла верную по сути мысль: если детей с раннего возраста приобщать к классике – музыке, живописи, литературе, они вырастают более гуманными, не агрессивными. Но как же тогда объяснить, что и «отец народов» Сталин разбирался в опере, а главари Третьего рейха вообще чуть не поголовно были меломанами, причем не только вагнерианцами.

– Думаю, в тех людях зла было больше, чем добра. И их закомплексованность сделала свое черное дело. Да, они любили и понимали классическое искусство, но озлобились и пошли по иному пути, не имея другой возможности себя выразить. Но всё же, извергов, садистов и одновременно меломанов были единицы. А я, имея в виду приобщение к высокому, говорю про массовость. Дети, читающие хорошие книги или занимающиеся на музыкальных инструментах, менее агрессивны. Я остаюсь при своем мнении.

– Слышала, что сейчас вы работаете над новым CD?

– Да, по заказу английской фирмы учу произведение современных армянских композиторов Тиграна Масурыана и Вааче Шарафяна. «Четыре хайрен» на слова Нарапета Кучака написаны Масурыаном в 1969 году, а вот вокальный цикл Шарафяна, созданный лет 10-12 назад, пока ни разу не исполнялся. Выпуск этого диска тоже приурочен к 100-летию геноцида. Я подумала, что лучше будет познакомить слушателей с чем-то новым. Записей Комитаса уже достаточно издано в мире, в том числе и с моим участием.

– Насколько для вас комфортен сам процесс звукозаписи, то есть работы в студии? Мнения различных исполнителей здесь противоположны друг другу – от полного неприятия, ощущения искусственности повторения множества дублей, до чувства свободы от досадных ошибок и поиска идеала.

– Я всегда записывалась легко, без проблем. У меня здоровый вокальный аппарат, могу петь хоть три, хоть пять часов подряд, то есть сколько угодно дублей. И присутствие публики для вдохновения тоже необязательно: достаточно самой музыки. Но сделать очередной CD для меня не самоцель. Однажды солидная фирма предложила сделать альбом из моих самых репертуарных оперных арий. Но предупредила, что на некоторые ноты существуют до сих пор авторские права, и я сама должна буду с этим разбираться. Этого оказалось достаточно, чтобы я отказалась от работы. Живой спектакль для меня всегда важнее, потому что неповторим. Бываю счастлива, когда чувствую отклик зрительного зала, когда мне говорят слова благодарности за подаренные эмоции. Возможно, по завершении карьеры

буду сожалеть, что не обладала амбициями примадонны. Вне театра я ведь совсем обычная – не красавица, одеваюсь скромно. Устаю от гламура на сцене, за ее пределами хочу отдыхать от всего показного.

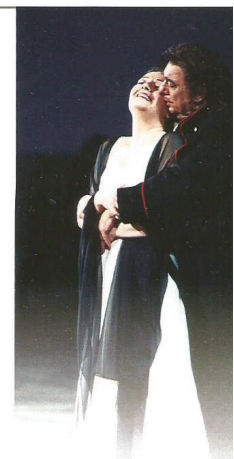
– Вы спели множество очень разных ролей, среди которых выделяется Норма в опере Беллини: мало кто из сопрано может поставить себе в заслугу исполнение этой вершины постоянно на протяжении долгих лет. Остались ли неосуществленные мечты? Общаясь с вами, невольно подумала про «Адриенну Лекуврер» Чилеа.

– Пожалуй. Но еще больше хотела бы спеть Леонору в «Фиделио» Бетховена. Конечно, если бы повезло на редакцию с минимумом диалогов. Переход с разговора на пение для меня труден. Но характер Леоноры мне очень интересен, а Бетховен – мой самый любимый композитор. Еще совсем абстрактно мечтала бы о партии Мари в «Волшебке» Альбана Берга, вряд ли голос бы позволил мне это, но саму оперу считаю совершенством, там есть всё лучшее на тот исторический музыкальный период. Вдруг что-то еще и получится, в моей жизни часто важные события случались свыше, потому не планирую надолго и заране.

– При всех труднейших героинях бельканто у вас присутствует в активе и Вагнер. И не только лирическая Сента в «Летучем голландце», но и Изольда, требующая колоссальной голосовой выдержки. Как вы решились?

– Изольда была моей давней мечтой, не думала, что осуществимой. Мой хороший друг, режиссер Стивен Лоулесс, с которым мы сделали всю «королевскую» трилогию Доницетти в Далласе, спросил меня запросто, когда ехали в машине: «А теперь что бы ты еще хотела спеть?» – «Изольду!» – «А у меня следующий проект как раз впервые Вагнер, «Тристан и Изольда» в Германии. Согласна?» – «Конечно, если меня возьмут!». И всё решилось за две недели, меня утвердили на роль. Самое трудное в операх Вагнера – выучить музыкальный материал. У меня на партию Изольды было меньше года. Вагнер был большим знатоком бельканто и считал, что его оперы должны петь лирические голоса. Если ты владеешь голосом, то оркестр Вагнера, при наличии хорошего дирижера, тебя словно несет на руках. Для меня партия Изольды стала редким удовольствием. И, не кривя душой, могу признаться, рецензенты после премьеры писали: «Эта Изольда звучит так, словно готова заново начать спектакль после финальной Сцены смерти». Партия оказалась сложней для меня физически, чем вокально. Устает голова от многочасовой концентрации. Кроме мозгов устают еще и ноги. Известно полшутливое высказывание Виргит Нильссон, что для опер Вагнера важнее всего удобные туфли. Но вокально это написано гениально! Голос и не должен устать, если петь правильно. Конечно, партия Изольды – это такой океан, космос, универсум, над которым можно работать всю жизнь! И спев ее, я долго ни о чем большем и не мечтала.

Знаете, в моей жизни многое свершается как бы свыше, помимо меня. Когда училась на скрипке, не мечтала об оперной сцене. Однако вот уже скоро 30 лет, как я – певица. Что будет дальше, сейчас не загадываю.

▲ С Пласидо Доминго в «Пиковой даме»

▼ Франческа да Римини/Театр Джузеппе Верди, Триест

